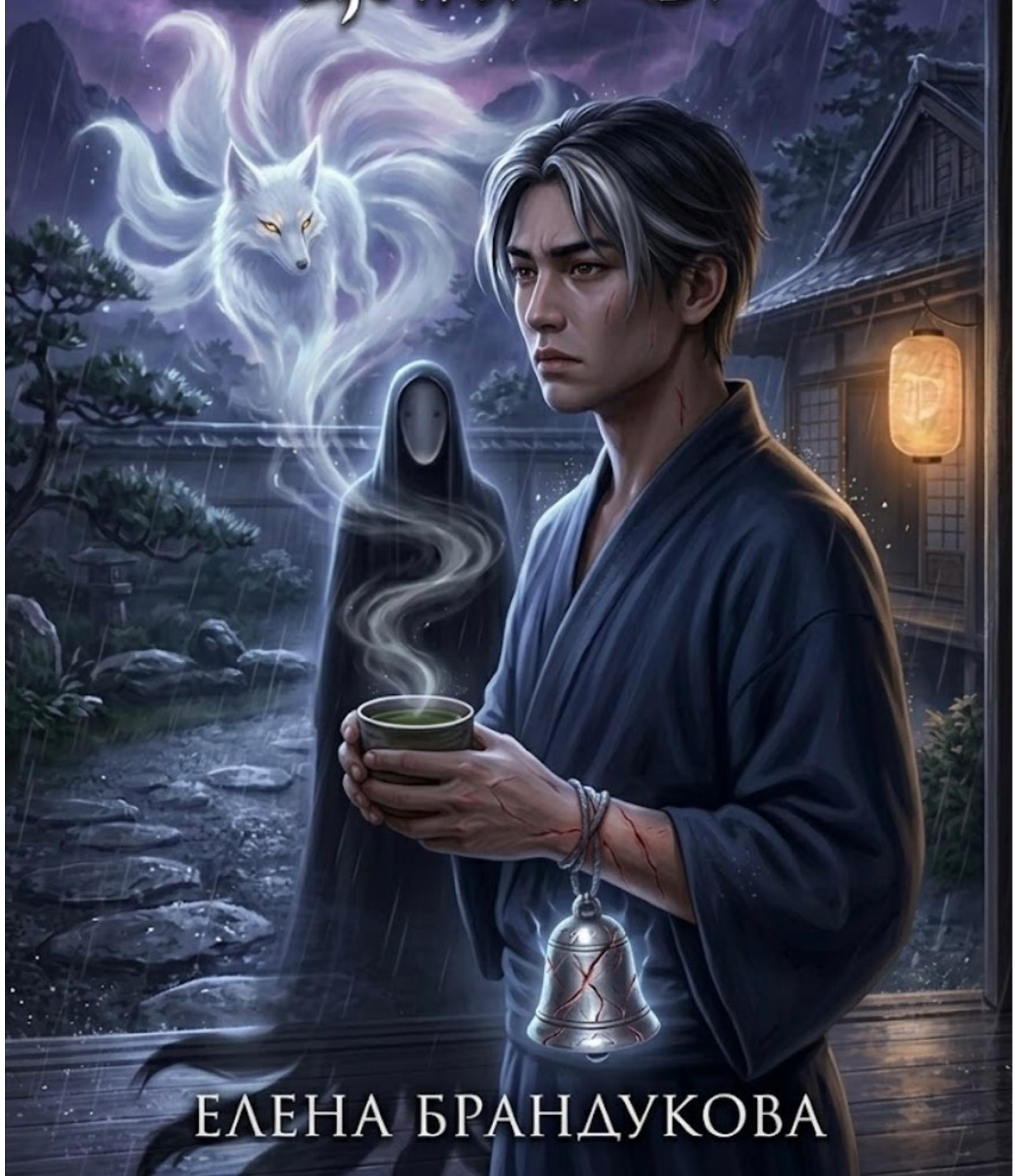

КОГДА СМОЛКАЮТ ЦИКАДЫ

ЕЛЕНА БРАНДУКОВА

Елена Брандукова

Когда смолкают цикады

«Автор»

2026

Брандукова Е.

Когда смолкают цикады / Е. Брандукова — «Автор», 2026

В один безумный июньский день привычный мир девятнадцатилетнего Рэна раскалывается вдребезги. Столкнувшись с предательством единственного друга и пробуждением потусторонних сил, обычный парень из Киото становится новым Хранителем Границы изнанки. На его запястье оживает проклятый серебряный колокольчик — артефакт, запечатавший в себе ярость древнего девятихвостого лиса Кухимо, жаждущего уничтожить человечество. Чтобы удержать баланс и спасти город от катаклизма, Рэну предстоит пройти через девять кругов ментальной боли и принести в жертву собственное прошлое, чувства и даже память любимой бабушки. Это атмосферное городское фэнтези в азиатском антураже — кинематографичная история о непомерной цене долга, космическом разочаровании и тихом милосердии, способном исцелить даже вековую ненависть оскверненного бога.

© Брандукова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Когда смолкают цикады	5
Глава 2. Границы и колокольчики	9
Глава 3. Эхо чужой памяти	13
Глава 4. Сломанный затвор	17
Глава 5. Осколки обычной жизни	20
Глава 6. Первая ложь	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Когда смолкают цикады

Глава 1. Когда смолкают цикады

Каждое утро Рэна начиналось по одному и тому же сценарию, который, казалось, был написан много лет назад и с тех пор не претерпел ни единого изменения. Он открывал глаза ровно в шесть тридцать. Его внутренние часы работали с пугающей, почти математической точностью, опережая на несколько минут старый, поцарапанный механический будильник, покоившийся на потрескавшейся прикроватной тумбе. Этот будильник, доставшийся ему чуть ли не в наследство, каждое утро готовился издать свой пронзительный, дребезжащий металлический треск, способный поднять на ноги мёртвого. Но Рэн неизменно протягивал руку за мгновение до этого и мягко нажимал на хромированную кнопку, сохраняя хрупкую утреннюю тишину. Привычка, выработанная годами монотонной и размеренной жизни, оказалась гораздо надёжнее и прочнее любой, даже самой совершенной человеческой техники.

Он жил в небольшом, приземистом доме, примостившемся на самой окраине исторического Киото, там, где городские кварталы постепенно уступали место поросшим лесом холмам. В этом доме, хранившем запахи сотен прожитых дней, он обитал вместе со своей бабушкой — хрупкой женщиной, казавшейся такой же древней, как и сами эти стены. Дом был по-настоящему старым. Его тёмные деревянные полы, помнившие смену нескольких поколений, обладали собственным характером: зимой они пронзительно и жалобно скрипели от каждого шага, словно жалуясь на пронизывающий холод, а летом отдавали накопленное за день сухое тепло. К дому прилегал крошечный, но ухоженный сад, где каждую весну, повинувшись вечному природному циклу, зацветала старая дикая слива, усыпая землю нежно-розовыми лепестками.

Перед тем как отправиться на работу, Рэн неукоснительно соблюдал целый ряд утренних ритуалов. Первым делом он брал старую бамбуковую метлу и неторопливо, методично подметал каменную дорожку, очищая её от напавших за ночь сухих листьев и мелких веток. Затем наступало время для кормления крупного, вальяжного соседского кота рыжего окраса. Этот пушистый наглец почему-то твёрдо решил, что их небольшой двор является его личной суверенной территорией, и требовал дань с поистине королевским упрямством. Рэн насыпал ему корм в старую глиняную плошку, наблюдал за тем, как животное с достоинством принимается за трапезу, и только после этого, поправив воротник куртки, выходил за калитку на пустынную утреннюю улицу.

Днём его жизнь перемещалась в стены маленькой, полузабытой книжной лавки, расположенной в паре кварталов от оживлённой железнодорожной станции. Покупатели заглядывали сюда редко, и лавка существовала в каком-то своём, изолированном временном кармане. Заезжие туристы, пахнущие перелётами и дешёвым парфюмом, изредка заходили, чтобы вежливо спросить глянецовые открытки с изображениями знаменитых золотых храмов или бамбуковых рощ. Шумные стайки школьников, шурша форменной одеждой, забегали в поисках свежих выпусков популярной манги. Но чаще всего здесь бывали местные пожилые люди. Они могли часами бродить между высокими, пахнущими типографской краской и старой бумагой стеллажами, чтобы в итоге выбрать какой-нибудь пухлый роман, который они, без сомнения, уже читали и перечитывали много лет назад, ещё в своей далёкой молодости.

Рэн искренне любил эти тихие, ничем не примечательные дни. Они тянулись медленно, плавно перетекая один в другой и напоминая аккуратные, похожие друг на друга страницы хорошо отпечатанной книги. В этой рутине был свой особый, убаюкивающий уют. Однако в последнее время эта абсолютная, железобетонная предсказуемость начала вызывать у него странное, подспудное чувство тревоги. Она казалась слишком идеальной, неестественной, почти искусственной. Будто какой-то невидимый и очень старательный кукловод изо дня в день

перелистывал перед его глазами одни и те же глянцевые декорации, панически боясь показать, что же на самом деле скрывается там, за плотной картонной обложкой этой реальности.

Вечером, когда солнце лениво опускалось за горизонт, окрашивая небо в багровые тона, Рэн возвращался домой. Он привычно ужинал вместе с бабушкой в полумраке кухни, а после принимался заваривать вечерний чай. Но в этот конкретный вечер атмосфера в доме была иной. Бабушка вела себя непривычно, пугающе молчаливо. Она практически не прикоснулась к еде и подолгу, не мигая, всматривалась в тёмные углы комнаты, словно пыталась разглядеть в густеющих тенях нечто такое, что было надёжно скрыто от обычных, чужих глаз. Её тяжёлое, гнетущее молчание не просто заполняло пространство — оно словно физически оседало на мебели и стенах дома липкой, невидимой пылью, мешающей дышать.

Чтобы сбежать от этого давящего, необъяснимого чувства дискомфорта, Рэн решил выйти на открытую веранду — энгаву. Он тихо опустился на прохладный деревянный настил, слегка вытянув ноги, и попытался раствориться в привычных звуках природы. На улице повсюду звенел оглушительный, многоголосый стрёкот цикад, заполнявший собой всё ночное пространство. Рэн задумчиво наблюдал за тем, как сумерки медленно, почти осязаемо, слой за слоем заполняют его маленький сад. Тень от раскидистой старой сливы в этот раз казалась гораздо гуще, чернее, чем обычно. Создавалось иллюзорное и пугающее ощущение, что эта чернота тянется своими ветвистыми отростками к стенам дома гораздо быстрее, чем угасают последние, блеклые лучи заката.

В тот вечер, на первый взгляд, всё было точно так же, как и всегда. Или... почти так же.

Он неподвижно сидел, согревая ладони о тёплые бока керамической чашки с крепким зелёным чаем, и отрешённо смотрел на темнеющую поверхность напитка. Горячий пар поднимался над ней едва заметными, причудливо извивающимися тонкими струйками. В этом золотисто-зеленоватом отражении, словно в миниатюрном зеркале, подрагивали далёкие, размытые огни старого бумажного фонаря, подвешенного у входа.

Вода во все времена и у всех народов считалась сакральной границей, невидимой чертой между осязаемым и неосязаемым.

Обычные люди в своей повседневной суете никогда этого не замечали. Они мимоходом смотрели в гладь рек, глубоких озёр, в дождевые лужи на асфальте или в собственные чайные чашки, но видели там лишь то, что ожидали увидеть — своё собственное, привычное отражение. Однако изредка, когда звёзды сходились определённым образом, между мирами — материальным и тем, что лежал за его пределами — возникала едва заметная, волосая трещина. И тогда поверхность воды мгновенно переставала быть просто физической субстанцией, превращаясь в прозрачное, открытое окно в неизведанное. А когда привычная ткань нашей реальности начинает истончаться, первыми это изменение всегда чувствуют звуки.

Рэн вдруг, с резким уколом в груди, осознал пугающую вещь: цикады смолкли. Это произошло не постепенно, а одновременно. В один миг. Оглушительный хор тысяч насекомых оборвался, словно по взмаху дирижёрской палочки. Вокруг разлилась мёртвая, звенящая, почти физически давящая на барабанные перепонки тишина. В этом вакууме звук его собственного неглубокого дыхания показался Рэну слишком громким, неестественным, чужим, будто дышал кто-то другой. Воздух вокруг веранды в секунду изменился — он сделался ледяным, сырым и густым, как в глубоком, заброшенном погребе, хотя на дворе стояло душное, разгарное японское лето.

Рэн, конечно же, ничего не знал об истончении миров и древних границах.

Он просто продолжал задумчиво и немного устало смотреть в свою чашку.

Сперва ему показалось, что идеальное круглое отражение в чае слегка исказилось, подёрнувшись едва заметной рябью. Будто его собственное лицо смотрело на него из глубины под каким-то другим, неестественным углом. Линия губ отражения в воде оставалась идеально

прямой и неподвижной, хотя сам Рэн явственно чувствовал, как его собственный рот приоткрылся от нарастающего удивления и непонимания.

Рэн сильно нахмурился, пытаясь списать всё на обман зрения или усталость после рабочего дня. Но в этот момент кожу на его затылке и шее обожгло резким, ледяным покалыванием — тем самым первобытным, подсознательным страхом, который достался человеку от далёких предков, встречавших ночных хищников в темноте пещер.

В гладкой, застывшей поверхности чая на долю секунды, чётко и неумолимо, возник совершенно чужой силуэт.

Это был не он.

Кто-то чужой в этот самый момент стоял прямо за его спиной.

Это была высокая, неестественно вытянутая фигура, облачённая в длинную, глухую и темную одежду, полы которой оставались абсолютно неподвижными, несмотря на набежавший лёгкий ветерок. Фигура застыла изваянием. Но самым страшным было то, что у неё не было лица — вместо него в складках капюшона угадывалась лишь матовая, непроглядная, поглощающая любой свет абсолютная пустота. И эта зловещая пустота пристально, не отрываясь, смотрела на него.

Рэн резко, всем телом обернулся назад, едва не выронив чашку. Сердце судорожно и болезненно ударило в рёбра, пульс мгновенно взлетел, а во рту стало пронзительно сухо, словно он глотнул песка.

Позади него никого не было. Абсолютно.

Там простирался лишь их старый сад, пугающе застывшие, словно вырезанные из чёрного картона кусты и старый бумажный фонарь, который почему-то застыл в неестественном, изогнутом наклоне. Казалось, само время вокруг этого фонаря замедлило свой ход или остановилось вовсе. Внезапно, качнувшись на долю сантиметра, фонарь издал странный, скрежещущий металлический звук, хотя Рэн прекрасно знал, что тот был сделан исключительно из сухого бамбука и тонкой рисовой бумаги. В этой конструкции просто нечему было скрежетать.

Рэн медленно, практически затаив дыхание и боясь издать малейший шорох, снова повернул голову к чашке.

Теперь на глянцевої поверхности напитка плавало лишь его собственное, бледное от испуга отражение. Но оно больше не приносило того привычного успокоения и чувства безопасности, что раньше. Напротив, теперь Рэн со всей отчётливостью осознал, что его привычный, уютный мир — этот старый сад, скрипящий дом, тихая книжная лавка — был не более чем тонкой, дешёвой обойной бумагой, наспех наклеенной поверх чего-то безгранично огромного, ледящего, тёмного и абсолютно чужого человеческой природе. И на этой хрупкой бумаге прямо сейчас, на его глазах, появился первый глубокий надрыв.

— Показалось... Это просто усталость, — едва слышно пробормотал он, пытаясь убедить самого себя, но его собственный голос прозвучал удивительно глухо и плоско, словно он кричал внутри плотного кокона из толстого слоя ваты.

Он резко поднялся на ноги, неловким движением расплескав остатки чая на старый деревянный пол веранды. Тёмные, горячие капли мгновенно, с шипением впитались в иссушенные временем доски, оставив после себя неровные, зловещие пятна, до боли похожие на чьи-то грязные, уходящие в темноту следы. Рэн поспешил как можно скорее зайти внутрь дома и с силой задвинул за собой деревянную ширму, запираясь от ночного сада. Однако ещё очень долгое время, сидя в полумраке комнаты, он не мог избавиться от липкого, удушающего ощущения: идеальная, гладкая поверхность его привычной жизни дала глубокую, неисправимую трещину. И кто-то, надёжно скрытый по ту сторону этого излома, теперь очень внимательно, затаив дыхание, наблюдает за каждым его движением, терпеливо выжидая момента, когда пролом станет достаточно широким для того, чтобы шагнуть внутрь.

Жуткая атмосфера начинает сгущаться. Как думаешь, стоит во второй главе подробнее раскрыть реакцию бабушки на то, что произошло в саду, или лучше сразу перенестись на следующий день в лавку, где Рэн начнёт замечать новые странности?

Глава 2. Границы и колокольчики

На следующее утро Рэн проснулся с вязким, труднообъяснимым ощущением, будто за порогом сна он оставил нечто критически важное. Это было липкое, навязчивое и крайне неприятное чувство, преследовавшее его с первых секунд сознания — словно он только что силой вынырнул из тёмного, бездонного омута, где отчаянно, но совершенно тщетно пытался докричаться до кого-то, застрявшего на том берегу.

Он долго, силясь восстановить хронологию ускользающих мыслей, вспоминал, что именно пошло не так в его привычной вселенной. Пока на плите шумел закипающий чайник, а сам он лениво собирался на работу, ночные страхи казались чем-то далеким. Но стоило ему потянуться к фарфоровому ободку утренней чашки, как рука на секунду замерла в воздухе. Взгляд парня невольно скользнул по тёмному глянцевому дну, выискивая скрытые угрозы. Лишь в этот момент в его памяти со всей отчетливостью воскрес жуткий, безликий силуэт из вечернего кошмара. Однако сейчас, при ярком дневном свете, который щедро пробивался сквозь чисто вымытые окна кухни и окрашивал деревянную мебель в тёплые тона, ночное происшествие на веранде показалось ему глупым, детским и суеверным.

«Мало ли что может привидеться уставшему, переутомлённому человеку в густых вечерних сумерках», — успокаивающе подумал он про себя, уверенно делая первый большой глоток. Горячая вода была просто водой, чай — просто чаем, а мир вокруг снова обрёл свои чёткие, незыблемые физические границы.

Сам день прошёл на удивление спокойно, в привычном, усыпляющем и монотонном темпе. Но ближе к вечеру погода, словно капризное божество, резко переменилась. Едва двери книжной лавки закрылись на замок, Рэн решил не возвращаться сразу домой, а поужинать в небольшой, пахнущей солёным бульоном раменной возле самой железнодорожной станции. Небо с самого обеда хмурилось, набрякшие, налитые свинцовой тяжестью грозовые тучи опускались всё ниже к крышам домов, буквально стирая из виду далекие зелёные верхушки холмов Киото. К тому моменту, как парень расплатился за ужин и вышел на улицу, душный летний город окончательно накрыл плотный, стеной стоящий ливень, глушащий все привычные звуки цивилизации.

Рэн вздохнул и с тихим щелчком раскрыл свой большой зонт.

Не успел он пройти по скользкому асфальту и одного полного квартала, как на оживлённом перекрёстке, где в дождевых каплях тускло и прерывисто мигал неоновый свет рекламных вывесок, кто-то со всего размаху, на полной скорости налетел на него.

— Ай!

Незнакомая девушка с абсолютно мокрыми, потемневшими от воды волосами не удержала равновесия на глянцевой плитке перехода и буквально рухнула лицом ему на грудь. Тяжёлый зонт Рэна от резкого удара и внезапного порыва шквалистого ветра вывернулся наизнанку, жалобно затрещав тонкими металлическими спицами, а тонкий пластиковый пакет, который незнакомка судорожно прижимала к себе, полетел в сторону, с глухим шлепком упав в глубокую грязную лужу.

— Простите! Пожалуйста, простите меня! Я... я вас совершенно не заметила из-за этого ливня! — испуганно запричитала она, тяжело и прерывисто дыша. Её тонкие пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в ткань его промокшей куртки, сквозь одежду показались Рэну неестественно ледяными, будто у покойника.

Они одновременно, повинувшись первому порыву вежливости, наклонились за упавшим пакетом и в следующее мгновение болезненно столкнулись лбами.

Девушка тихо ойкнула от неожиданности, а Рэн невольно поморщился, потирая ушибленное место. На какую-то короткую секунду посреди этого бушующего потопа ему стало

искренне смешно от абсолютной абсурдности, предсказуемости и какой-то дешёвой кинематографичности происходящего. Это был избитый, заезженный до дыр штамп из подростковой манги, которую парень пачками перебирал на полках своей лавки.

— Вы... вы в порядке? Не ушиблись? — спросил он, пытаясь перекричать шум воды.

— Да... кажется, всё цело. Спасибо вам огромное.

Она торопливо, словно боясь, что вещь отнимут, выхватила из его рук мокрый пакет, даже не подумав отряхнуть его от грязной жижи, и, резко развернувшись, бросилась бежать дальше, растворяясь под проливным дождем. Рэн так и застыл на месте посреди перекрестка. Набежавший порыв ветра вдруг донёс до его рецепторов тонкий, но удивительно отчётливый шлейф её недавнего присутствия — сладковатый, свежий аромат цветущей дикой сливы.

Это был странно, до боли знакомый запах. Слишком густой, слишком концентрированный для дождливого летнего вечера. Словно на секунду пахнуло из его собственного весеннего сада, где росло то самое старое дерево.

Покачав головой и пытаясь отогнать наваждение, Рэн задумчиво проводил взглядом её хрупкий силуэт, пока он окончательно не исчез в серой, непроглядной пелене воды, и продолжил свой путь к дому.

Однако привычный маршрут преподнёс новый сюрприз. Та самая раменная, где он планировал переждать непогоду, оказалась забита под завязку: сквозь запотевшие, покрытые крупными каплями стёкла были видны плотные, сгорбленные ряды чужих спин и клубящийся над столами белый пар. Рэн уже было развернулся, решив смириться с голодом и пойти напрямик к бабушке, как вдруг его взгляд зацепился за узкий, почти незаметный проем между двумя глухими зданиями. Тёмный переулочек. Самое пугающее и странное заключалось в том, что Рэн ходил этой конкретной дорогой на протяжении многих лет, знал здесь каждый кирпич и мог бы поклясться на чём угодно — раньше на этом самом месте высилась сплошная, непрерывная кирпичная стена.

Теперь же в узком пространстве между домами, едва не касаясь их мокрых стен, сиротливо висел старый, местами сильно потемневший от сырости бумажный фонарь. Его свет был слабым, болезненным, розовато-жёлтым. А на пожелтевшей рисовой бумаге красовались всего два размашистых, выведенных уверенной рукой тушью иероглифа: «**Между**».

Странное любопытство, смешанное с внезапным, острым уколом подсознательной паники, в этот раз безоговорочно победило весь его хваленый здравый смысл. Рэн сделал нерешительный шаг с залитого неоновым светом тротуара прямо в вязкую темноту незнакомого переулочка. Дождь здесь — и это было вопреки всем законам физики — почему-то в ту же секунду перестал барабанить по ткани его зонта, превратившись в едва заметную, парящую в воздухе морось. А далёкий грохот поездов со станции и шум проезжающих машин мгновенно затихли, словно невидимый режиссер провернул ручку громкости этого мира до абсолютного нуля.

В самом конце этого мрачного тупика обнаружилась небольшая, приземистая лавка. У неё не было чёткой, завершённой архитектурной формы или выраженного стиля. Это не было похоже на обычный магазин, не напоминало стандартное городское кафе и уж точно не являлось синтоистским храмом. Это было всё сразу, причудливо сплетённое в один странный, неестественный узел. Изнутри помещения, сквозь щели, пахло старой, вековой бумагой, какими-то сушёными горькими травами и сладким, удушливым сандалом.

Рэн аккуратно толкнул скрипучую деревянную дверь. За старым прилавком, утопая в глубине густого полумрака, сидела пожилая женщина, облачённая в строгое, серое шёлковое кимоно. Её лицо было испещрено такими глубокими, рельефными морщинами, что в этом освещении больше напоминало потрескавшуюся кору древнего, умирающего дерева. Она даже не подняла своей седой головы, когда над её входом пронзительно и тонко звякнул малень-

кий дверной колокольчик — словно она заранее, до мельчайших подробностей знала каждый последующий шаг своего ночного гостя.

— Наконец-то ты пришёл, — тихо, но удивительно отчётливо произнесла она в пустоту пространства. Голос её был сухим и шелестящим, как опавшие листья, гонимые ветром по мостовой.

— Вы... вы меня знаете? — Рэн испуганно остановился у самого порога, чувствуя, как внутри с новой силой нарастает непреодолимое, животное желание попятиться назад, выскочить на шумную, безопасную и понятную улицу.

— Пока ещё нет, — хозяйка лавки медленно подняла на него свои глаза. Они оказались пугающе, абсолютно чёрными, без каких-либо выраженных белков или зрачков, и в этой непроглядной тьме совершенно не отражался скудный свет немногочисленных ламп.

Ответ прозвучал настолько спокойно, весомо и буднично, что Рэн просто не нашёлся, что на это возразить. Давящее пространство лавки словно затягивало его в себя, лишая воли. Он сделал несколько нерешительных, робких шагов вдоль запylённых, пахнущих сыростью полок. Чего здесь только не было собранно за долгие годы: пожелтевшие от времени свитки с непонятными письменами, тяжелые стеклянные шары, внутри которых, вопреки логике, застыли хлопья настоящего зимнего тумана, причудливые деревянные фигурки невиданных мифических зверей, треснувшие чайники... вещи, истинное, первоначальное назначение которых Рэн не смог бы угадать, даже если бы посвятил этому всю свою оставшуюся жизнь.

И вдруг посреди этой тишины что-то едва слышно, но отчётливо звякнуло. Этот странный звук пришёл вовсе не снаружи, не из глубин магазина — он словно эхом отозвался где-то внутри его собственного тела, у самого основания черепа.

На одной из самых нижних витрин, покоясь прямо на потертом, выцветшем от времени бордовом бархате, лежал совсем небольшой серебряный колокольчик. Он выглядел на редкость просто. Никаких изысканных узоров, никакой ювелирной гравировки или клейма мастера. Обычный, потемневший от времени кусок старого металла с тонким, аккуратным ушком для шнурка. Но Рэн, повинувшись какому-то чужому, властному и подспудному импульсу, против собственной воли протянул к нему руку.

Едва подушечки его пальцев коснулись холодного на вид серебра, парень ощутимо вздрогнул, словно от удара током. Колокольчик оказался неожиданно, почти пугающе тёплым. Создавалось полное, реалистичное ощущение, будто его всего секунду назад держали в чьей-то горячей ладони, согревая человеческим теплом. Или... словно у этого неодушевленного предмета было своё собственное, скрытое внутри кровообращение.

— Надо же, как интересно... — едва слышно пробормотала старуха за прилавком, заметно подавшись всем телом вперёд.

— Что? Что здесь интересного? — Рэн резко обернулся к ней, чувствуя, как его сердце снова начинает ускорять свой безумный ход, напоминая о вчерашнем кошмаре на веранде.

Женщина внимательно, не мигая, посмотрела сначала на маленький серебряный предмет в его подрагивающих пальцах, а затем заглянула в глаза самому Рэну. На её тонких, бескровных губах появилась едва заметная, двусмысленная и пугающая улыбка.

— Он тебя выбрал. Или ты его. В нашем месте, мальчик, это абсолютно одно и то же.

По спине Рэна с новой, утроенной силой пробежал леденящий, осязаемый холодок. То самое ночное ощущение, что привычная реальность вокруг него истончилась до своего абсолютного предела и сквозь этот излом явственно проступает нечто чуждое и опасное, вернулось к нему. Он резко, словно до смерти обжёгшись об это неестественное тепло, со стуком поставил колокольчик обратно на бархатную подложку витрины.

Но стоило металлу коснуться полки, как серебряный предмет, вопреки всем законам гравитации, качнулся сам собой. Без единого намека на сквозняк. Качнулся и тихо, невероятно чисто звякнул в наступившей пустоте.

ДИНЬ.

Всего один-единственный раз. Этот чистый звук протяжным эхом разнёсся по всем углам запыленной лавки, и Рэну на секунду показалось, что в этом звоне отчетливо послышался горький человеческий упрёк. Будто живая вещь безмолвно, но весомо возражала против того, чтобы её так грубо и малодушно бросали.

Внутри у парня всё сжалось в один тугой, болезненный ком первобытной тревоги. Острое, паническое желание уйти отсюда захлестнуло его с головой. Прямо сейчас. Выбежать вон из этой душной комнаты, бросить сломанный зонт, бежать без оглядки под ливнем до самого дома, запереть все деревянные ширмы наглухо и никогда больше в своей жизни не сворачивать с привычного, безопасного маршрута. Навсегда забыть этот проклятый переулок, странную черноглазую женщину и этот серебряный предмет.

Но одновременно с этой паникой в его груди внезапно проснулось другое — тяжёлое, властное и необъяснимое чувство. Острое, как лезвие ножа, осознание: если он сейчас переступит этот порог и уйдет в одиночку, он навсегда оставит здесь, в этой лавке, важную часть самого себя. Он просто пропустит тот самый единственный поворот судьбы, после которого вся его дальнейшая жизнь превратится в пустую, пресную и совершенно бессмысленную шелуху. Он безвозвратно потеряет что-то критически, жизненно важное. Что-то, о существовании чего он ещё вчера даже не подозревал.

И эта внезапная, непреодолимая привязанность к совершенно незнакомому, пугающему предмету пугала Рэна сильнее всего на свете.

Глава 3. Эхо чужой памяти

Рэн совершенно не помнил, какими путями и как именно он вымелся прочь из этой удушливой, пахнувшей сандалом лавки. Его пальцы, сведённые судорогой от подсознательного ужаса, намертво сжимали прохладную шёлковую подкладку глубокого кармана куртки, куда он в самый последний момент — повинувшись то ли какому-то неодолимому чужому внушению, то ли вспышке собственного внезапного безумия — поспешно сунул проклятый серебряный колокольчик. Горсть помятых бумажных иен он просто швырнул на деревянный прилавок, даже не пытаясь сосчитать. Старуха не окликнула его, не сделала попытки вернуть сдачу. Лишь её бездонные, пугающе чёрные глаза, лишённые белков, казалось, продолжали физически сверлить его сторбленную спину сквозь толстые кирпичные стены зданий, преследуя парня по пятам.

На улице проливной летний дождь окончательно превратился в сплошную, практически непроглядную водяную стену. Вечерний Киото, обычно такой гостеприимный, мягкий и окутанный уютным полумраком, сейчас выглядел откровенно враждебным, ощетинившимся и чужим. Размытые красные сигнальные огни светофоров и мертвенно-белые фонари недалёкой железнодорожной станции расплывались в плотной дождевой пелене огромными, сочащимися кровью и гноем пятнами света, окрашивая мокрый асфальт в грязные тона.

Рэн почти бежал, едва разбирая дорогу перед собой. Сердце испуганной птицей колотилось где-то в самом горле, задавая безумный, рваный ритм всему его телу. И окружающая природа, словно чутко поддавшись его внутренней панике, тоже начала медленно, но верно сходиться с ума, теряя остатки привычного покоя.

Каждый раз, когда в груди парня вскипала новая, неосознанная волна первобытного страха, очередной яростный порыв ветра с силой швырял ему прямо в лицо пригоршню ледяных, крупных капель, которые били по коже больно и резко, словно мелкая речная галька. Стоило ему на какую-то несчастную секунду замереть на месте, пытаясь перевести дыхание под узким пластиковым козырьком закрытого на ночь магазина, как грозовые тучи над его головой сгущались до абсолютной, угольной черноты. Неестественно сухой, оглушительный и трескучий раскат грома раскалывал небосвод прямо над проводами электропередач. Летний пейзаж больше не был статичной городской декорацией. Он дышал. Он медленно сжимался вокруг Рэна плотным, удушающим кольцом, транслируя и усиливая его собственную душевную тревогу в сотни, тысячи раз.

Дома, к огромному облегчению парня, царила привычная, убаюкивающая тишина. Бабушка уже спала в своей комнате: сквозь тонкую раздвижную ширму доносилось лишь её ровное, едва слышное, слабое старческое дыхание.

Рэн тенью проскользнул к себе в спальню, сознательно не зажигая верхний электрический свет. В помещении властвовал густой, бархатистый полумрак, который лишь изредка нарушался блеклыми, призрачными вспышками далеких молний за окном. Парень обессиленно опустился на татами, привычно скрестив ноги, и медленно, с огромной опаской и замиранием сердца, достал из кармана куртки серебряный артефакт.

В кромешной темноте комнатного пространства металл неожиданно начал слабо, фосфорически светиться мягким зеленоватым оттенком. Он больше не казался мёртвым, бездушным куском холодного серебра. Рэн физически чувствовал, как от колокольчика исходит едва заметная, ритмичная пульсация, которая с пугающей точностью, секунда в секунду, совпадала с ударами его собственного напряжённого пульса.

— Что же ты такое?.. — едва слышно, одним только выдохом прошептал он в пустоту. — И зачем, ради чего ты так настойчиво звал меня?

Он медленно прикрыл глаза, пытаясь силой воли успокоить учатившееся дыхание и унять дрожь в коленях. В этот самый момент за окном, словно послушно вторя его внутренней попытке обрести долгожданный покой, полностью утих неистовый ветер. Шквальный ливень мгновенно превратился в ровное, монотонное и усыпляющее шуршание капель по черепичной крыше дома. Вся природа вокруг замерла в глубоком почтении, словно к чему-то прислушиваясь. Рэн целиком сосредоточился на странном, живом тепле, исходящем от предмета, и мысленно, изо всех сил потянулся к нему, безмолвно требуя честного ответа.

ДИНЬ.

Этот звук раздался не в пространстве комнаты — он взорвался прямо внутри его собственной головы. Но это был вовсе не тонкий, хрустальный звон маленького серебряного язычка. Это был оглушительный, гулкий, вибрирующий удар колоссального храмового колокола, заставивший до основания содрогнуться само сознание Рэна.

В ту же секунду привычная реальность вокруг него окончательно треснула, осыпавшись мириадами бесцветных стеклянных осколков.

Рэн больше не сидел в полумраке своей уютной спальни на окраине Киото. Он внезапно обнаружил себя стоящим на самом краю головокругительного обрыва высокой, совершенно незнакомой ему горной гряды. Вокруг него во все стороны раскинулся первозданный, суровый пейзаж глубокой древности: острые, неприступные скалистые пики, сплошь утопающие в густом, как парное молоко, клубящемся тумане, и вековые, скрюченные сосны, мёртвой хваткой цепляющиеся своими узловатыми корнями за голые камни. Но этот мир не был живым в привычном понимании. Земля под ногами Рэна была полностью выжжена, превратившись в чёрный пепел, а воздух был настолько тяжёлым, что буквально застревал в легких, отчетливо пахня резким озоном, палёной шерстью и свежей, солоноватой кровью.

Сама природа в этом месте иступленно кричала от невыносимой ярости и глубокой боли. Небо над головой бурлило страшными, багрово-чёрными грозowymi вихрями, а гигантские, ветвистые молнии без остановки били в острые скалы, раскалывая их на куски. Этот монументальный пейзаж был намертво завязан на эмоции того существа, которое находилось здесь всего секунду назад. На чистые, неразбавленные эмоции колоссального, запредельного человеческого отчаяния и крушения всех надежд.

Рэн медленно обернулся и застыл на месте, не в силах сделать даже мизерный шаг или просто пошевелить пальцем от сковавшего его благоговейного ужаса.

На самом краю глубокого обрыва, прямо перед лицом бушующей бездны, стоял на коленях человек. Точнее, Рэн на каком-то подсознательном, ментальном уровне чётко понимал, что это была лишь временная, иллюзорная человеческая оболочка. Красивый мужчина в разорванных, обильно покрытых свежей кровью одеждах древнего воина тяжело опирался руками на рукоять сломанного пополам боевого меча. Но за его широкой спиной, соткавшись из предгрозового тумана, ярости и мистического света, плавно и величественно колыхались девять огромных, призрачных белых хвостов, каждый из которых был размером с вековое дерево.

Это был Кухимо — легендарный, великий девятихвостый лис. Древнейшее, могущественное существо, которое на протяжении многих веков и тысячелетий сознательно шло сквозь нечеловеческие страдания, духовные практики и строжайшую аскезу ради одной-единственной цели — очистить свою дикую душу и стать настоящим, полноценным человеком.

Рэн чувствовал его внутренние эмоции так же чётко, как свои собственные. Это была не просто личная драма, это было сокрушительное, подлое и масштабное предательство, заживо выжигающее всю внутреннюю суть существа. На острых камнях прямо перед раненым воином-лисом сиротливо лежало разбитое на мелкие кусочки зеркало — священный символ чистой человеческой души, которую он уже почти, казалось, окончательно обрёл.

И в этот момент Рэн внезапно «увидел» чужое, глубокое воспоминание внутри этого воспоминания. Пред его мысленным взором пронеслась цветущая долина, маленькая деревня

внизу у подножия гор, мирные люди, которых этот великий лис бескорыстно защищал от бед и неурожаев на протяжении долгих десятилетий. И та самая единственная смертная женщина, ради любви к которой он без тени сомнения отказался от своего истинного бессмертия и могущества. И... тех же самых испуганных людей, которые в слепой, дикой ненависти и суеверном страхе скопом вонзили ему острые ножи в беззащитную спину, едва лишь случайно прознали о его истинной, нечеловеческой природе. Она, его возлюбленная, тоже была там, в этой беснующейся толпе. И именно она твёрдой, недрогнувшей рукой держала горящий факел, готовая предать его огню.

Воин медленно поднял своё бледное лицо к бурлящему, безумному небу. Его раскосые глаза горели ярким янтарным, хищным огнём, в котором сейчас смешались горькие, обжигающие слезы разочарования. Разгневанная природа вокруг него буквально сходила с ума: многотонные скалы с грохотом трескались по швам, а вековые деревья с корнем вырывало бушующим ураганом его личного, безграничного горя.

Но он не хотел мстить. В его великой душе больше не осталось места для злости или ненависти — там простиралась лишь бескрайняя, выжженная дотла пустыня и бесконечная, оглушающая, вековая усталость.

Мужчина резким движением сорвал со своего пояса тот самый маленький серебряный колокольчик — единственную материальную вещь, которая ещё связывала его с земной, так и не случившейся человеческой жизнью. Это был подарок той, что так легко и безжалостно его предала.

— Мне никогда не стать одним из вас, — его глубокий, громовой голос заставил вековые горы содрогнуться, а тучи — пролиться крупным чёрным дождем. — Но и безжалостным чудовищем я быть больше не желаю. Пусть вся моя неизбывная боль, моя недожитая, оборванная человеческая жизнь и моя преданная любовь навеки останутся здесь. Вплавленные в это чистое серебро. До тех самых пор, пока в мире не родится тот, чья чистая душа окажется способна искренне чувствовать и разделять чужую реальность. Пусть он найдет его.

Воин с силой сжал колокольчик в своей окровавленной ладони, без остатка передавая металлу крупинцы своей запредельной силы, душевного тепла и магии, а затем размахнулся и швырнул его далеко вниз, в бушующую бездну тумана. В ту же секунду его роскошные девять хвостов разом вспыхнули ярким, чистым белым пламенем, и великое существо мгновенно растворилось в ночном воздухе, обратившись в безвредную россыпь искр. Страшная гроза в горах тут же послушно стихла. Пространство вокруг стало серым, мертвым, плоским и абсолютно неподвижным, словно холодный, давно оплаканный надгробный камень.

ДИНЬ.

Рэн резко, всем телом вздрогнув, открыл глаза и шумно, со свистом выдохнул застоявшийся в легких воздух, судорожно хватаясь рукой за грудную клетку в районе сердца.

Он снова сидел в своей тихой комнате, на привычном мягком татами. На его бледных щеках явственно блестели мокрые дорожки — парень сам не заметил, как горько и безутешно заплакал, пропустив через себя всю эту древнюю, чужую трагедию. Грудь до сих пор мучительно разрывало от невыносимого остаточного чувства тоски, предательства и абсолютного одиночества, которое оставил после себя истинный хозяин артефакта.

Рэн медленно повернул голову к окну. Проливной дождь на улице полностью, без следа прекратился, уступив место тишине. Полная луна наконец-то пробила плотные гроззовые тучи, и её холодный, пронзительно чистый серебряный свет мгновенно залил всю его комнату. Однако на оконном стекле, прямо напротив лица Рэна, посреди душной и жаркой летней ночи прямо сейчас стремительно расплывался тонкий, замысловатый и удивительно красивый узор из настоящего, сверкающего зимнего инея.

Аномальный, морозный холод в самом разгаре жаркого лета. Сама природа Киото всё ещё тихо, но чутко отзывалась на те ледяные, пронзительные искры древнего чужого горя, что только что вихрем пронеслись сквозь обнажённую душу парня.

Маленький колокольчик, по-прежнему покоившийся в его ладони, больше не пугал Рэна. Теперь он был удивительно тёплым, ласковым и живым, словно крошечное ручное существо. И теперь Рэн точно, со стопроцентной уверенностью знал: эта загадочная вещь пришла в его жизнь вовсе не случайно. Пугающая трещина в глянцевой реальности его серых будней открылась лишь потому, что пришло его время. Время для того, чтобы наконец-то дописать до конца великую историю, так трагически оборванную много веков тому назад.

Глава 4. Сломанный затвор

Рэн сидел на циновке татами, судорожно, прерывисто хватая ртом воздух, словно только что вынырнул из непроглядной, удушающей глубины. Огромная, не вмещающаяся в человеческое сердце чужая боль всё еще жгла его изнутри, циркулировала по венам вместе с кровью и требовала немедленного выхода. Крупные слёзы, непрерывным потоком катившиеся по его бледным щекам, казались обжигающе горячими, почти осязаемыми на коже. Он медленно, с неослабевающим трепетом опустил взгляд на серебряный колокольчик, по-прежнему покоившийся в его ладони. Этот невзрачный, потемневший от времени кусок металла, как оказалось, веками хранил в себе пепел и ментальный яд разбитого сердца могущественного девятихвостого лиса.

Внезапно чувство глубокой, первобытной и яростной несправедливости захлестнуло парня с головой. Внутри него вспыхнул искренний, отчаянный протест. Зачем? Ради чего живые существа — будь то обычные смертные люди, ослеплённые своими страхами, или гордые, могущественные духи — с таким пугающим, методичным упрямством уничтожают тех, кто просто искренне хочет любить, защищать и быть хотя бы малой частью их привычного, понятного мира?

Рэн изо всех сил сжал кулак, намертво зажав серебро в ладони. Сильные, чистые человеческие эмоции — это ведь тоже своего рода первозданная магия, мощная и необработанная сила. Как выяснилось в эту самую секунду, у обычного, незаметного продавца книг из Киото этой ментальной энергии оказалось с избытком. Он абсолютно не контролировал её бурный поток. Дикая энергия его искреннего сострадания и праведного гнева хлынула сквозь пальцы, мощным импульсом уйдя прямо в серебряную плоть артефакта и мгновенно вступив в резонанс с древним, затаившимся проклятием векового увядания.

В душной тишине запертой комнаты раздался жуткий, ни на что не похожий звук. Это был не звон и не металлический лязг. В пространстве спальни с сухим, хрустальным и оглушительным треском сломался невидимый вековой затвор — тот самый ментальный ограничитель, который до этого момента удерживал страшную историю Кухимо в строгих рамках далекого, невозвратного прошлого.

По гладкому телу серебряного колокольчика стремительно побежала тонкая, змеящаяся и глубокая трещина. Из этого свежего надрыва брызнул вовсе не свет, а густой, иссиня-чёрный, плотный туман, удушливо пахнувший едким озоном и иссушенной грозой землей. Древнее серебро в руке Рэна с глухим звуком раскололось ровно надвое, и в тот же миг привычный пол под его ногами просто перестал существовать, растворившись в пустоте.

Парень даже не успел вскрикнуть, как вся привычная земная гравитация перевернулась с ног на голову. Его с бешеной скоростью потащило сквозь ледяную, бездонную пустоту, где не было ни верха, ни низа, ни единой точки опоры. Перед его широко раскрытыми от ужаса глазами нескончаемым, безумным калейдоскопом проносились обрывки чужих, давно стёртых эпох, размытые силуэты незнакомых лиц, обрывки криков и стоны ярости.

Когда это безумное падение так же внезапно прекратилось, Рэн со всего размаху сильно ударился спиной обо что-то невероятно твёрдое и холодное. Оглушённый сильным ударом, он судорожно закашлялся, жадно глотая ртом колющий воздух. Воздух здесь был совершенно другим — неестественно тяжёлым, горьким, до предела пропитанным гарью, копотью и едким дымом пожарища.

Он лежал на жесткой каменной земле. Вокруг него в вышину уходили те самые острые, неприступные скалистые пики, которые он всего несколько минут назад созерцал в чужом мистическом воспоминании. Но теперь происходящее не было блеклой картинкой в его голове. Острые камни вполне осязаемо царапали его ладони, ледяной, шквальный ветер неистово тре-

пал его тонкую домашнюю футболку, а над самой головой клубилось багрово-чёрное грозное небо, без остановки изрыгающее во все стороны гигантские ветвистые молнии. Вековые сосны с жалобным скрипом гнулись до самой земли под мощными ударами урагана. Рэн физически перенёсся туда. В тот самый роковой день. В ту самую секунду, когда страшное заклятие лиса было запечатано в серебре.

Однако самого раненого воина-лиса на краю глубокого обрыва больше не было. На том самом месте, где он только что стоял на коленях, сейчас яростно вихрился и гудел колоссальный столб ослепительно белого пламени, оставшийся после его внезапного исчезновения.

— Наконец-то ты пришёл... — раздался глубокий, рокочущий голос.

Этот звук исходил одновременно отовсюду: от вековых, содрогающихся скал, от бушующего, багрового неба и от крупных падающих капель чёрного дождя. Это был голос самого пробудившегося артефакта, накрепко соединённый с угасающим, измученным эхом разума его древнего хозяина.

Рэн с огромным трудом, преодолевая слабость в теле, поднялся на дрожащие колени. Прямо перед ним, соткавшись из миллиардов ярких искр и клубящегося тумана, завис призрачный, исполинский силуэт огромной лисей головы со светящимися янтарными глазами. В этих глазах больше не просматривалось прежней ярости или злости — в них царила лишь бесконечная, леденящая душу пустота и отрешённость.

— Ты разбил священную печать своим состраданием, смертный, — глухо прошелестел дух, и от его ледяного вздоха сосны вокруг жалобно закрипели, массово роняя на сухую землю пожелтевшую хвою. — Ты добровольно впустил мою вековую боль в свой привычный мир, а себя самого безвозвратно втянул в мой. Теперь колесо истории пойдёт вспять, но у этого процесса нет истинного проводника.

Призрачный лис медленно приблизился к парню. Его огненное, призрачное дыхание явственно опалило лицо Рэна, хотя тот не почувствовал реального физического тепла — лишь пронизывающий до самых костей ментальный холод.

— Слушай моё последнее предупреждение, Рэн из Киото, — зловеще выдохнул дух, и его огромные янтарные глаза вспыхнули в темноте ярче, чем ударившие в скалы молнии. — Девять хвостов — это девять полноценных жизней, которые я безропотно отдал ради одной лишь призрачной возможности стать обычным человеком. И все девять моих жизней были подло, жестоко преданы людьми. Теперь осколки этих жизней заперты в твоём собственном времени, среди тех, кого ты близко знаешь или встречаешь каждый день. Они отчаянно ищут покоя, но принесут твоему миру лишь тотальное разрушение. Если ты не найдёшь их все и не разгадаешь истинную загадку каждого моего предательства до того момента, как расколотый колокольчик срастётся вновь... вся реальность твоего уютного мира будет полностью стёрта. Твой старый дом, твой цветущий сад, твоя тихая книжная лавка — абсолютно всё превратится в безжизненный пепел моей выжженной горы.

Силуэт исполинского лиса начал стремительно таять в пространстве, быстро рассыпаясь на мелкие искры, которые тут же подхватывал и уносил прочь ураганный ветер.

— И помни... — донёсся до ушей Рэна последний, затихающий аккорд угасающего голоса. — Первое предательство уже находится совсем рядом с тобой. Оно отчётливо пахнет весенней сливой.

Пространство вокруг Рэна снова угрожающе задрожало и пошло глубокими трещинами. Огромные скалы начали с грохотом осыпаться в бездну, а багровое небо рушилось прямо на него, безжалостно погребая под раскалёнными осколками чужого времени.

Рэн резко открыл глаза, шумно вздрогнув всем корпусом, и подскочил на месте.

Он снова находился в своей комнате, сидел на сухом татами, а в окно мирно светил чистый, серебряный лунный свет. На оконном стекле всё так же причудливо переливался аномальный летний иней. Но самое страшное было в том, что за раздвижной ширмой его

спальни, в тёмном коридоре дома, вдруг раздались неторопливые, тихие шаги его проснувшейся бабушки. И эти шаги в гробовой ночной тишине сейчас звучали как-то совершенно иначе — странно, тяжело и пугающе чуждо.

Глава 5. Осколки обычной жизни

Новое утро началось для Рэна с отчаянной, граничащей с безумием попытки притвориться перед самим собой, что всего предыдущего дня и пугающей ночи попросту не существовало в природе. Он вышел во двор настолько рано, насколько это было возможно, и с такой неистовой, слепой силой сжимал деревянную ручку бамбукового веника, методично подметая каменную дорожку, что костяшки на его пальцах побелели от напряжения. Парень упрямо, изо всех сил отводил взгляд в сторону, стараясь не смотреть на раскидистый силуэт старой сливы, чьи ветви теперь казались ему зловещими пальцами, тянущимися к небу. Он также ни разу не осмелился даже мимоходом прикоснуться к глубокому карману своей куртки, где неподвижно лежал расколотый серебряный колокольчик — сейчас он был холодным, притихшим и затаившимся, точно дикий хищный зверь перед решающим прыжком.

«Это всего лишь сильный стресс. Банальное переутомление от монотонной работы», — как заклинание, непрерывно твердил он самому себе под нос, переступая порог и заходя внутрь книжной лавки.

Привычный, знакомый до мельчайших нюансов запах старой бумаги, подержанных переплётов и сухой древесной пыли всегда действовал на него умиротворяюще, но сегодня этот аромат ощущался совершенно иначе. Он стал горьким, едким, с отчетливой, едва уловимой примесью того самого резкого озона, который с самого утра бил ему в нос там, на каменистой вершине призрачной выжженной горы Кухимо.

Дальнейшая работа в лавке очень быстро превратилась для Рэна в изошрённую пытку томительной медлительностью. Он механически расставлял новые книги по полкам в строгом алфавитном порядке, но его руки то и дело начинали мелко, неуправляемо дрожать. Стоило парню хотя бы на мимолетную секунду отвлечься от своего занятия и погрузиться в мысли, как вся окружающая материальная реальность вокруг него принималась медленно, пугающе «плыть», теряя свои чёткие очертания.

Первый серьёзный провал в сознании случился около полудня.

Рэн отчетливо помнил, как стоял у высокого стеллажа с классической японской поэзией, бережно держа в руках потертый томик Басё. Однако в следующую же долю секунды он внезапно обнаружил себя стоящим в тесной, изолированной подсобке магазина, погружённой в абсолютную, глухую темноту. В его правой руке вместо бумажной книги был намертво зажат гранёный стакан, до краёв наполненный ледяной водой, а стрелки на настенных часах неумолимо показывали, что на дворе уже ровно два часа дня.

Два полных часа его жизни просто взяли и бесследно исчезли. Они выпали из его памяти целиком, словно грубо вырванная страница из дешёвого романа.

Рэн в панике выбежал обратно в торговый зал, тяжело, со свистом дыша и оглядываясь по сторонам.

— Господин Рэн? — старик Ито, их постоянный пожилой покупатель, смотрел на него из-за соседнего стеллажа с явным, неприкрытым беспокойством. — Вы в порядке? Вы стояли у этого окна последние сорок минут. Совершенно не двигаясь и не реагируя на слова.

— Я... да, всё хорошо, простите меня, задумался, — с трудом выдавил из себя Рэн, пытаясь выдавить вежливую улыбку.

Он медленно повернулся и посмотрел сквозь чистое стекло на улицу. В ту же секунду по его спине пробежал ледяной, липкий пот.

На улице Киото ярко, по-летнему слепило полуденное солнце, но тени редких прохожих почему-то падали в совершенно разные, хаотичные стороны. Создавалось дикое ощущение, будто у каждого идущего по тротуару человека было своё собственное, глубоко капризное и индивидуальное светило. Но гораздо хуже и страшнее было само оконное стекло. Прямо по его

центру змейкой пробежала глубокая трещина — она находилась не снаружи и не изнутри помещения, а зародилась где-то в самой толще стеклянного материала. И сквозь этот прозрачный надрыв Рэн на мгновение отчётливо увидел вовсе не привычную городскую улицу, а бескрайний край багрового ночного неба, плотно затянутого кружащимися тучами из чёрного пепла.

Парень судорожно зажмурился и изо всех сил тряхнул головой, отгоняя морок. Когда он снова открыл глаза, трещина бесследно исчезла, а тени прохожих выровнялись в одну сторону. Но липкий страх уже прочно пророс внутри его существа холодным, колючим стеблем.

Ближе к вечеру все эти мистические странности стали вести себя гораздо агрессивнее, буквально нападая на его восприятие.

Рэн попытался привычным движением пробить чек молодой покупательнице, но когда он случайно взглянул на бумажные купюры в её протянутой руке, его сердце пропустило удар. Вместо привычных портретов государственных деятелей на банкнотах он отчетливо увидел искажённые предсмертным страданием морды диких лисиц. Они беззвучно, в агонии открывали свои пасти, словно отчаянно взывая к нему о помощи. Рэн в ужасе отпрянул назад, едва не перевернув тяжёлую кассу.

— Что-то не так? — вежливо поинтересовалась женщина. Однако её голос прозвучал для парня неестественно странно — словно две разные звуковые дорожки наложились друг на друга с едва заметной, эхоподобной задержкой.

Рэн поднял глаза и посмотрел на её лицо. На короткую, неуловимую долю секунды кожа незнакомки сделалась абсолютно прозрачной, точно тонкая папиросная бумага, обнажая под собой зловещую внутреннюю пустоту, до предела заполненную кружащимся хлопьями белым снегом и нежно-розовыми лепестками.

Он зажмурился так сильно, что под веками поплыли цветные круги. Когда он наконец решился открыть глаза, покупательница уже неторопливо уходила к выходу, оставив деньги на деревянном прилавке. Купюры теперь выглядели совершенно обычно. Но запах... в помещении лавки отчётливо, приторно пахло весенней цветущей сливой. Насыщенный весенний аромат посреди душного, удушливого июньского зноя.

Мимир вокруг Рэна начал отчетливо, физически «дребезжать». Звуки то пропадали вовсе, в одно мгновение превращая книжный магазин в глухое немое кино, то становились оглушительными, бьющими по барабанным перепонкам — обычный шелест переворачиваемых страниц в эти моменты напоминал ему грохот тектонических обвалов в далеких горах.

Самым страшным для него стало внезапное, отчётливое осознание: окружающая реальность больше физически не держит свою форму. Она стремительно истончалась, превращаясь в ветхую, старую ткань, готовую окончательно порваться от любого неловкого движения. Рэн всем телом чувствовал, что он сам сейчас — это единственный ржавый гвоздь, который каким-то чудом всё ещё удерживает эти подгнившие декорации земного мира. И если он прямо сейчас сорвётся, всё вокруг с грохотом рухнет в ту самую бездонную, чёрную пропасть, куда израненный воин-лис когда-то швырнул свой серебряный артефакт.

Когда пришло время окончательно закрывать лавку, Рэн на неслушающихся ногах подошёл к стене и протянул руку к пластиковому выключателю. Но его ладонь замерла в нескольких сантиметрах от цели.

Из-под деревянного плинтуса, медленно, тягуче и неотвратно, наружу начала сочиться густая, угольно-чёрная жидкость. Она не была похожа ни на обычную воду, ни на машинное масло. Эта субстанция буквально поглощала и впитывала в себя весь скудный свет помещения. И в этой расширяющейся мрачной луже, словно в идеальном зеркале, Рэн с замиранием сердца увидел вовсе не белый потолок лавки, а высокую, вытянутую фигуру без лица, безмолвно стоящую прямо за его левым плечом.

Диль.

Расколотый колокольчик в кармане куртки внезапно отозвался коротким, вибрирующим и предупреждающим звоном.

Рэн не стал оборачиваться назад. Он уже твёрдо знал, что за его спиной в этой комнате никого нет. Пока ещё нет. Но он каждой клеточкой своего тела чувствовал, как его прежняя, размеренная «обычная жизнь» прямо сейчас бесповоротно рассыпается в прах, на глазах превращаясь в те самые серые хлопья пепла, что он созерцал в чужом видении.

Бежать было абсолютно некуда. Привычная реальность окончательно дала глубокую трещину, и из этой тёмной щели на него в упор смотрела сама холодная Вечность, которой он, сам того не зная, теперь был что-то должен.

Сжав кулак так сильно, что короткие ногти до крови вонзились в ладонь, Рэн решительно шагнул из лавки в густеющие вечерние сумерки города. Теперь он точно, без тени сомнения знал: завтрашнее утро уже никогда не будет прежним. Осколки разбитого мира невозможно склеить назад. Пришло время лицом к лицу встретиться с тем, что так долго и терпеливо пряталось по ту сторону водной глади.

Глава 6. Первая ложь

Между тем самым моментом, когда Рэн в глубоком шоке покинул мигающую неисправными неоновыми огнями книжную лавку, и той страшной секундой, когда он окончательно забился в дальний угол своей маленькой спальни, захлёбываясь от подступающей к горлу тошноты, пролегли несколько часов тягучего, липкого и по-настоящему детективного кошмара. Настоящая, неприкрытая правда редко обушивается на человека мгновенным, милосердным ударом. Чаще всего она подползает тихо, едва слышно шурша подолом старого шёлкового кимоно по рассохшимся деревянным половицам древнего дома, заставляя жертву сходить с ума постепенно, шаг за шагом.

Когда парень наконец добрался до окраины города, родной деревянный дом встретил его давящей, душливой и какой-то ватной тишиной. Рэн осторожно переступил порог, чувствуя, как расколотый колокольчик в глубоком кармане куртки мелко, едва ощутимо вибрирует, словно настойчиво предупреждая своего нового владельца об огромной, смертоносной опасности.

— Бабушка? — негромко позвал он в темноту прихожей. Собственный голос показался ему плоским, тусклым и совершенно чужим, словно принадлежал не ему, а какому-то постороннему наблюдателю.

— Я здесь, на кухне, Рэн-кун, — почти сразу донёсся до него привычный, мягкий и ласковый старушечий голос из самой глубины длинного коридора. Затем послышались шаги. Знакомые, шарканье, родные и очень медленные шаги, которые он слышал каждый день с самого раннего детства.

Рэн неторопливо прошёл вглубь дома и замер в дверном проёме кухни, боясь сделать лишний вздох. Бабушка стояла к нему спиной, усердно нарезаая овощи для вечернего мисо-супа. Старая, сильно сгорбленная фигура в блеклом, много раз стиранном домашнем фартуке. На первый взгляд, всё было как всегда, мирно и обыденно. Но Рэн инстинктивно принял себя, и его сердце пропустило удар.

Вместо привычных, уютных запахов соевой пасты, жареного тофу и старого, сухого жилища, весь воздух на кухне был буквально переполнен совершенно другим ароматом. Тяжёлым. Приторно-сладким. Так ярко и настойчиво пахнет дикая цветущая слива весной. Но сейчас, в разгар душного июньского лета, когда лепестки давно опали, этот концентрированный шлейф казался противоестественным, пугающим и чужеродным. И Рэн слишком хорошо помнил, что точно такой же запах оставила после себя таинственная темноволосая девушка, которая под проливным дождем со всего размаху налетела на него на перекрёстке возле станции.

— Бабушка, откуда в доме так сильно пахнет сливой? — тихо, стараясь скрыть дрожь, спросил Рэн, чувствуя, как глубоко внутри зарождается первый холодный узел смертельного подозрения. — Наш сад ведь полностью отцвёл ещё в начале апреля, сейчас там только зелёные листья.

Острый нож в морщинистых руках старушки на мгновение замер в воздухе. Она не обернулась на его вопрос сразу.

— Тебе просто кажется, милый, — спокойно произнесла она после затянувшейся паузы. — Старые кости всегда пахнут старостью, а старый деревянный дом — сыростью и плесенью. Не выдумывай глупостей, лучше мой руки и садись ужинать.

Она медленно повернулась к нему лицом, тепло улыбаясь своей привычной, покрытой густой сеточкой глубоких морщин улыбкой. Но Рэн в этот раз смотрел вовсе не на её доброе лицо. Его взгляд был прикован к её рукам. На тыльной стороне правой ладони, прямо под тонкой, сухой старческой кожей, на долю секунды явственно проступил странный, пульсирующий зеленоватый узор вен. Он был слишком геометрически симметричным, отчетливо напоминая

своими очертаниями контуры лисьего черепа. Рэн испуганно моргнул — и жуткий узор тут же исчез, сменившись самыми обычными пигментными пятнами.

Вечерний кусок буквально не лез парню в горло. Рэн лишь делал видимость, что усердно ест, но его напряжённый взгляд то и дело возвращался к вещам вокруг. Окружающая реальность продолжала давать непоправимые сбои. Когда бабушка аккуратно протянула ему через стол горячую пиалу с белым рисом, Рэн содрогнулся: он чётко заметил, что её темная тень на стене не шевелится вслед за движениями тела. Старушка уже опустила руки и вернулась к плите, а её отражение на обоях всё ещё тянулось вперёд, оставаясь уродливо вытянутым, угловатым и хищным.

Липкий страх, причудливо смешанный с лихорадочным, безумным азартом расследования, гнал его вперёд. Едва лишь бабушка пожелала ему доброй ночи, ушла в свою комнату и плотно задвинула ширму, Рэн немедленно начал искать.

Он был обязан любой ценой понять, что за чертовщина происходит в этих стенах. Если его собственный разум не окончательно сошёл с ума от усталости, значит, ключи и ответы скрыты в этом самом доме. Стараясь не издавать ни единого звука, парень прокрался к запертой кладовой — тёмному, забитому вековым хламом помещению в конце коридора, куда бабушка строго-настрого запрещала ему заходить с самого раннего детства. *«Там лежат старые, личные вещи твоих покойных родителей, Рэн-кун, не нужно тревожить их прах»*, — всегда говорила она ему холодным тоном.

Рэн достал телефон и включил фонарик. Яркий белый луч выхватил из крошечной темноты покрытые толстым слоем серой пыли коробки, пожелтевшие свитки и старые плетёные корзины. Запах дикой сливы здесь был настолько густым и концентрированным, что у парня мгновенно закружилась голова. Но теперь этот аромат пах не просто весенней свежестью — в нём отчётливо, осязаемо читался явный гнилостный, сладковатый привкус биологического разложения.

Рэн, превозмогая брезгливость, начал лихорадочно перебирать вещи. Старый семейный альбом. Пыльные фотографии. На поблекших снимках двадцатилетней давности была запечатлена его бабушка — молодая, весело улыбающаяся женщина на фоне их дома. Рэн до боли в глазах вгляделся в её черты. Лицо женщины на старых фото было круглым, с мягким подбородком и широким носом. Но та самая женщина, которая вырастила его, которая сидела с ним все эти годы, имела совершенно другую форму черепа — более вытянутую, узкую, с неестественно острыми скулами. Как он мог не замечать этого раньше? Как его собственный мозг умудрялся годами сглаживать эти явные, кричащие и очевидные несоответствия?

Внезапно рука Рэна наткнулась на глубокую потайную нишу в деревянной стене кладовой, которая была надёжно скрыта за старым, трухлявым матрасом-футоном.

Там, в пыльной пустоте, лежала небольшая шкатулка из дорогого чёрного лакового дерева. Пальцы парня крупно дрожали, когда он аккуратно приподнимал её тяжелую крышку.

Внутри шкатулки не оказалось никаких семейных драгоценностей или писем. Там ровными стопками лежали аккуратно срезанные куски пожелтевшей, иссохшей и затвердевшей человеческой кожи. На некоторых из этих жутких фрагментов всё ещё сохранились остатки седых волос. А на самом дне шкатулки покоился огромный ворох окровавленного, жесткого белого меха и старый, разбитый семейный защитный амулет, который, как думал Рэн, давным-давно потерялся во время их переезда.

Это были «маски». Настоящие человеческие оболочки, которые неизвестное существо цинично меняло одно за другим по мере того, как они изнашивались и старели от времени.

Леденящий холод абсолютного ужаса мгновенно сковал его лёгкие, не давая сделать даже короткий вдох. Рэн с немым криком выронил шкатулку из рук, и куски сухой человеческой кожи с тихим, шуршащим звуком рассыпались по грязному полу кладовой. Всё его счастливое детство, все его самые тёплые и сокровенные воспоминания — то, как любимая «бабушка»

нежно обрабатывала ему разбитые в кровь колени, как читала добрые сказки перед сном, как пекла его любимые рисовые пирожки по выходным — всё это от начала и до конца было лишь идеальной, просчитанной фальшивкой. Рядом с ним под одной крышей все эти годы жило жуткое, древнее чудовище. Тварь, которая бережно и планомерно выращивала его, как домашний скот на убой, выпивая его молодую жизнь, его искренние эмоции и его глубокое одиночество капля за каплей, день за днём.

В этот самый момент прямо за его спиной в темноте коридора зловеще и громко скрипнула старая половица.

Запах цветущей весенней сливы в секунду стал невыносимым, удушающим, он намертво забил лёгкие и вызвал у парня резкие рвотные позывы. Рэн медленно, покрываясь крупными каплями ледяного пота, обернулся назад, направляя дрожащий луч фонарика в сторону двери.

В проёме кладовой неподвижно стояла высокая фигура. Но это уже не была маленькая, сгорбленная и слабая старушка. Контуры её тела в темноте странно дрожали, ломались и двоились, а сквозь плотную ткань человеческой домашней одежды явственно пробивался призрачный, мертво-белый мистический свет.

— Ты всегда был слишком любопытным и наблюдательным мальчиком, Рэн-кун, — раздался в тишине страшный голос. В этом звуке одновременно, пугающе сплелись воедино старческий, дребезжащий шепот его опекуна и молодой, звонкий, весёлый смех той самой незнакомой девушки с перекрёстка.

— Первое предательство... оно пахнет весенней сливой... — хрипел Рэн, едва дыша и захлёбываясь подступающей к горлу тошнотой.

Он сорвался с места, безумно оттолкнул фигуру в сторону и в панике бросился вглубь своей комнаты. Парень с силой захлопнул дверь, прижался спиной к стене и сполз на пол, тщетно пытаясь удержать руками свой окончательно ломающийся, ускользающий мир. Но бежать из этого дома ему было абсолютно некуда. Последние осколки его привычной, безопасной и обычной жизни теперь окончательно превратились в серую, безвозвратную пыль. Трещина в реальности, о которой предупреждал призрачный лис, открылась прямо посреди его собственного дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.